

Юрий Куроптев

Куроптев Юрий Владимирович родился в 1976 г. в городе Ирбит Свердловской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию (1999). В 2006 г. окончил Школу культурной журналистики (Санкт-Петербургский фонд культуры и искусства) по специальности «арт-критика». Работал уборщиком жилых помещений, санитаром, медбратом, продавцом в книжном магазине, арт-дилером, редактором, журналистом. Публиковался в сборниках и альманахах «Антология тишины» (Пермь, 2002), «Анатомия ангела» (М., 2002), «Литературная Пермь» (Пермь, 2004), «Братская колыбель» (М., 2004), «Живая Пермь» (Пермь, 2009), «Время перемен» (Пермь, 2009) и др. Возглавляет пермский литературный журнал «Вещь». Участник АСУП-2. Живет в Перми.

Филологическая маркировка стихов Ю.К.

Традиции, направления, течения: модернизм, постакмеизм, метареализм, постмодернизм.

Основные имена влияния, переклички: О. Мандельштам, И. Бродский, В. Кальпиди, В. Дрожачих.

Основные формальные приемы, используемые автором: элегизм, медитативность, метафора, анжанбеман, в отдельных случаях использование стилистики он-лайн текста.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: образы культуры, поэтические мифологемы модернизма, фрагменты образного ряда и вербальные конструкции В. Кальпиди.

Творческая стратегия: в истовом стремлении к идеалу, в желании наполнить жизнь поэтическим смыслом – подмена эстетических понятий их эстетическими муляжами.

Коэффициент присутствия: 0,3

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1976 году на востоке Свердловской области, в городке Ирбит с тридцатитысячным

населением. В основном он знаменит тем, что там делали и, кажется, делают до сих пор тяжелые мотоциклы «Урал». В Свердловской области наша семья прожила полгода, а потом переехала в Пермь. Один-два раза в год мы отправлялись в Ирбит навестить маминых родственников, которые жили в частном доме. Прямого поезда не было, и добирались мы с пересадкой через Свердловск. Там целый день гуляли, обычно мама рассказывала о своем студенчестве в УПИ. А вечером приезжали в Ирбит, где дед на мотоцикле «Урал» вез нас через ночной город домой, в частный сектор. Каждый раз в поезде мама говорила, что вот сейчас мы пересечем границу Европы и Азии. И каждый раз, смотря на мелькающий в окне уральский пейзаж, я ощущал, что «нарушаю» метафизическую границу двух частей света, проваливаясь в некое промежуточное пространство, в самом центре Евразии.

Пермь стала узлом, в котором переплетены судьбы моих предков. Родственники мамы, Галины Михайловны Куроптевой (в девичестве Захаровой), жили в Свердловской области. Семья ее матери жила в Каменске-Уральском, а после раскулачивания была выслана в Ирбит. Семья дедушки оказалась в Ирбите, сбежав из колхоза. Дедушка, Михаил Николаевич Захаров, перед

На руках у мамы

С бабушкой и дедом

С родителями

войной учился в Перми на киномеханика. Оттуда и был призван в 1939 году в армию, служил на Дальнем Востоке. Когда началась война, его перебросили на фронт. Сначала он воевал в пехоте, а потом был корректировщиком в артиллерийском дивизионе. Победа застала его в Австрии. Он окончил войну с орденами и медалями. А после еще на год застрял в Европе, крутя ручку киноаппарата в офицерском клубе. После войны женился, работал сварщиком, а когда вышел на пенсию, устроился сторожем на завод. Работал он всю жизнь много, рано вставал – нужно было заботиться о многочисленных животных на подворье. У него была голубятня, а в гараже – клетки с маленькими птичками. Когда он на них смотрел, его художочное сосредоточенное лицо заметно смягчалось. Он мало и неохотно рассказывал о войне, только перед смертью, когда уже совсем не вставал. Дед умер в 2008 году в Перми, не дожив месяца до девяностолетия.

Семья отца по бабушкиной линии переехала в Пермь из Эстонии. Бабушка Алевтина Анатольевна была интеллигентна и начитанна. Только в отрочестве я узнал, что у нее не было высшего образования. Дедушка Дмитрий Николаевич – выходец из дворянской семьи. Его отец, мой прадед, учился на юрфаке Казанского университета на год или два позже Владимира Ленина.

Мама дедушки – из семьи военных офицеров, ее отец был генералом. Прабабушка хорошо играла на фортепьяно, преподавала в музыкальном училище. Дед играл на скрипке, мой отец – на трубе. Вплоть до середины 70-х семья устраивала вечера, на которых бабушка музицировала на фортепьяно. Дедушка рассказывал, что в его семье разговаривали на двух языках. Когда родители ссорились, они переходили на французский. Прабабушка писала мемуары, кроме них сохранились путевые очерки «Плавучий клуб «Комлесосплава» и стихи на случай.

Семья дедушки была эвакуирована в Пермь в 1941 году из Сталинграда. Когда началась война,

ему было пятнадцать. Он работал на оборонном заводе. Много раз просился добровольцем на фронт, но с завода его так и не отпустили. После войны дед учился в техникуме, где познакомился с бабушкой.

Мой отец родился в 1952-м в Кирове, где дед два года работал в НКВД. Рассказывал, что занимался чтением доносов на «врагов народа». Потом работал на заводе им. Дзержинского. А после выхода на пенсию служил сторожем.

Отец в детстве занимался спортом, играл в футбол. Бабушка Мура посвятила ему несколько стихов, в которых выражала свое недовольство: «Ты не любишь заниматься. Тебе лучше соревноваться». В зрелом возрасте отец увлекался фотографией (у него был фотоаппарат и вся сопутствующая аппаратура), любил музыку. После окончания экономического факультета ПГУ он поехал по распределению в Ирбит, где познакомился с моей мамой.

У меня было обычное детство. Я рос впечатлительным ребенком, но предпочитал скрывать свои переживания. Из раннего детства мне помнятся два обстоятельства, которые, как мне кажется, повлияли на мое становление. Как-то раз мы с мамой спускались по уличной лестнице. Неожиданно мама споткнулась, разбив коленку. Пошла кровь, я внутренне сжался и пришел в полную растерянность. В другой раз, я помню, поздно вечером вышел из комнаты. Отец сидел за столом, спиной ко мне. Когда он обернулся, мне показалось, что у него нет одного глаза. Я очень испугался, выбежал вон и долго не мог заснуть. Отец, действительно, потерял в юности глаз, у него был протез. Но в семье об этом не принято было говорить.

Я научился читать и писать перед школой. Но долгое время к чтению не проявлял никакого интереса. Когда мне было 13, мама принесла с работы книжку Достоевского «Неточка Незванова». Вечером я начал читать и не смог от нее оторваться. Думаю, мои будущие увлечения авангардом (в

самом широком смысле этого слова) были определены сложным синтаксисом прозы Достоевского. С тех пор я не переставал читать. Сначала прочел всю школьную программу, затем взялся за писателей второго и третьего ряда. С этих пор как-то незаметно, само собой, во мне стало вызревать желание стать врачом. Позже, прочитав Чехова и Булгакова, мое решение только усилилось.

Мне нравилось учиться, все давалось легко. Интерес вызывали гуманитарные дисциплины, но в то же время даже самую трудную задачу по алгебре я мог решить без особого труда. В средних классах школьный товарищ предложил записаться в музыкальный кружок местного ДК. К тому времени мы с моим двоюродным братом уже увлекались музыкой. Но пионерских песен я никогда не понимал, их смысл не доходил до меня. Отец в 1987 году привез мне пластинку «Аквариума». Эти песни мне сразу понравились. С этих пор я стал слушать рок-музыку. В музыкальном кружке я услышал много новой музыки. В это же время мы с братом стали делать экспериментальные записи на бытовом магнитофоне. На инструментах никто из нас играть не умел, поэтому фиксировали различные шумы, перемежая их чтением стихов и жуткими завываниями. Примерно через год в этом ДК открылся кружок игры на гитаре, который мы с большим энтузиазмом стали посещать. Через несколько месяцев организовали собствен-

ный ансамбль «Дети выдры» (к тому времени я уже прочитал большущий том Велимира Хлебникова, который произвел на меня, что понятно по названию группы, колоссальное впечатление). Примерно тогда же я стал увлекаться поэзией. Запоем прочитал Маяковского, Блока, Есенина – то, что было на книжной полке. Потом стал ходить в библиотеку, прочитал Бальмонта, Белого, Северянина, Хлебникова.

Первое свое стихотворение я написал еще в начальной школе. Как-то раз я рассказал маме, что одна девочка у нас в классе пишет стихи. Мама улыбнулась и спросила: «А ты не пробовал?». Я пришел в свою комнату и довольно легко написал восьмистишие, которое заканчивалось, как мне казалось, красивой фразой: «...и лужи на асфальте заблестели». После первого опыта я долго никакого интереса к поэзии не проявлял.

Период, когда я стал запоем читать поэзию, совпал с написанием собственных песен и первой серьезной влюбленностью. Весной-летом 1992 года мы с братом, вооружившись гитарами, микрофоном и магнитофоном «Вега» записали два альбома (на соседней улице в это время то же самое проделывали другие «безумные соловьи русского леса» – ансамбль «Fox-band», состоявший из Антона Колобянина и Сергея Стаканова). Два или три раза мы выступали на «большой» сцене – сначала в школе, потом в ДК.

Я довольно быстро понял, что хочу делать более серьезные вещи. А потом принял твердое решение совсем завязать с музыкой. Однажды я поставил гитару в угол, поняв, что больше к ней никогда не прикоснусь. Так и вышло.

В дальнейшем я буду так много раз поступать. Накопив и прожив определенный опыт, мне нужно избавиться от него, как от ненужного балласта.

В 1991 году в связи с переездом семьи в другой район Перми, я пошел учиться в новую школу, где обрел новых друзей и единомышленников. В 11 классе учительница литературы Светлана Михайловна Иванова рассказала о вечере современной поэзии. В 1992 году я впервые услышал поэта Владислава Дрожащих и прочитал две его небольшие книжки «Блупон» и «Небовоскресенье». До этого я не подозревал, что в Перми могут быть – есть – писатели. Вечер произвел на меня огромное впечатление и отпечатался в памяти в мельчайших деталях.

Светлана Ивановна любила рассказывать о своих «талантливых» учениках, которых «без экзаменов брали в МГУ, а они не захотели остаться в Москве». В это же время около своего дома я заметил компанию молодых людей. Независимое отвязанное поведение резко выделяло их на фоне всех остальных. Это был «ОДЕКАЛ». Сергей Панин со товарищи приходили в гости к Семену Соснину (тому самому «талантливому» ученику Ивановой, который окончил школу на год или два

Ю.К. первоклассник

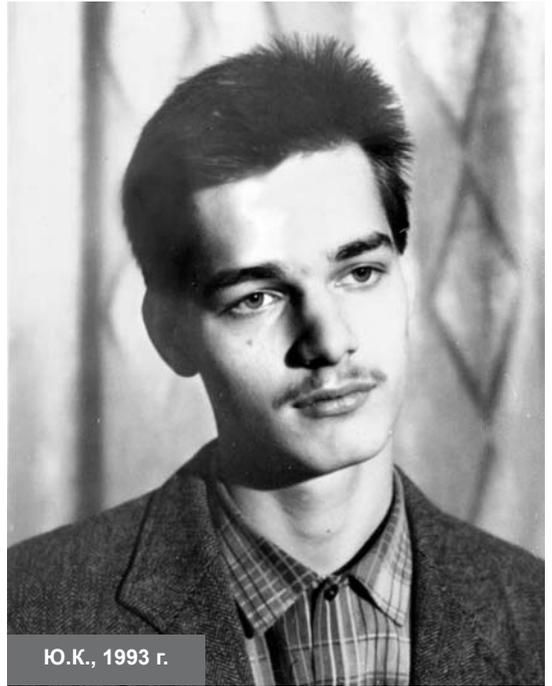
раньше меня), жившему, как оказалось позже, в одном доме со мной. Много раз я хотел с ними познакомиться, но не мог преодолеть собственную застенчивость. Знакомство с Семеном Сосниным и Сергеем Паниным произошло гораздо позднее. В 1993 году, несмотря на увещания Светланы Ивановны, которая предлагала мне сдать выпускной экзамен защитой собственных стихов и поступить на филфак, я оказался в медицинском институте. Сейчас я понимаю, что хотел, прежде всего, преодолеть собственную неуверенность, избавиться от инфантильности. Но после двух лет учебы я понял, что сделал ошибку. Я оказался в полной изоляции – интеллектуальной, дружественной и т.д. Начиная с первого курса, я работал сначала санитаром, потом медбратом. В общем, набрался маломальского жизненного опыта, которого мне категорически не хватало. Окончив медакадемию, я забыл о медицине так же, как о рок-музыке.

В 1996 году мне в руки попала «Антология современной уральской поэзии» (АСУП-1). Я стал интересоваться уральской литературой. Посещал литературные вечера, которые организовывал фонд культуры «Юртин». Постепенно расширился круг чтения, наряду с уральцами я читал Алексея Парщикова, Александра Еременко, Ивана Жданова. До «Антологии» где-то раздобыл книжку Бродского, который оказал на меня большое влияние. Потом были Мандельштам, Пастернак и Цветаева. В общем, читал много, перемежая современных классиками. В основном, хаотично и бессистемно: у Бродского натолкнулся на Кантемира – читаю Кантемира, у Мандельштама на Батюшкова – читаю Батюшкова.

В компании знакомых филологов я познакомился с Антоном Колобяниным, которого до этого читал в «Антологии» и «Несовременных записках» и видел на презентации его книги «В центре дождя». Я напросился к нему в гости. Меня поразило, насколько его стихи адекватны ему самому и его быту. Он жил с сестрой и ее дочерью в четырехкомнатной хрущевке. В его комнатке был строгий аскетизм. Стол, стул, кровать и шкаф, забитый потрепанными книгами, оставшимися от родителей. Я показал ему свои стихи. Ранние тексты он хвалил, более поздние, написанные как бы под влиянием (прежде всего, Бродского), – ругал. А мне не нравились ни те, ни другие.

В 1999 году я начал посещать поэтическую студию Владислава Дрожащих. Занятия, а скорее встречи, Владислав вел демократично. На них не было учителя и учеников. Он давал право высказаться каждому. Не было никакого снобизма, он разбирал все стихи – даже в откровенной графомании пытался найти неожиданное.

Владислав что-то разглядел в моих стихах и очень меня поддерживал. Но я все равно не был дово-

Ю.К., 1993 г.

лен своими текстами. После закрытия студии он звонил мне, начиная разговор с вопроса: «Алло, это бункер пермской культуры?». У Дрожащих я учился смирению. Находясь рядом с ним, мне просто не приходило в голову отправить свои стихи в журнал. Куда-то проталкивать и продвигать себя. У Антона я научился аскетизму, в том числе и в быту. Однажды он сказал: «Держись подальше от литераторов, литература портит». Он имел в виду, конечно, не саму литературу, а окололитературный быт, тусовку.

На стыке 2003–2004 годов у меня произошел внутренний кризис. Я подошел к пониманию, что в стихах нужно менять оптику, взгляд. Я перестал получать от поэзии драйв. Тогда же я оказался на выставке современного искусства в Москве. Ходил по пустым залам, в которых располагались инсталляции и мерцали мониторы. Меня кольнуло, но не от произведений, а от пустоты выставочного пространства. От нее веяло холодом и отстраненностью. Я почувствовал нерв современности. Мне захотелось в этом разобраться. Я стал интересоваться современным искусством. В следующем году я устроился в газету, писал рецензии на выставки и другие культурные события. В общем, завяз и практически полностью ушел в журналистику. А чуть позднее отошел и от нее на приличное расстояние.

Сейчас редактирую литературный журнал «Вещь». Воспитываю двух детей. То есть сам становлюсь частью того узла, в котором переплетены не только судьбы моих предков, но и моя собственная.